проблем.

Структура занятия включает погружение в тему через проблемный вопрос и визуальный и/или аудио- ряды, анализ произведения с выделением ключевых моментов (тезисов); распределение студентов по творческим группам (в соответствии с преобладающим типом интеллекта); создание медиапродукта, презентация; анализ (обсуждение, вопросы по кругу). Домашние задания предлагались в 2–3 вариантах на выбор (эссе, написание фанфика, доработка медиапродукта, видеоинсценировка, публикация поста в соцсети), что поддерживало индивидуализацию обучения.

Контрольный этап (март 2026 г.) включал повторное тестирование участников ЭГ и КГ с применением тех же методик, что и на констатирующем этапе исследования. Так, отмечена положительная динамика у студентов ЭГ: частота чтения «ежедневно» выросла с 8% до 21% (+13%). Доля студентов, прочитавших за полгода 6–10 книг, увеличилась с 15% до 27%. Мотивация к чтению классики («с большим интересом») возросла с 10% до 27% (+17%). В КГ значимых изменений не произошло. Уровень сформированности литературных знаний в ЭГ после эксперимента: высокий – 31% (в 3 раза выше, чем в КГ), средний – 52%, низкий – 17% (в КГ – 57%).

Таким образом, опытно-экспериментальным путем доказано, что эффективность применения медиаформатов в литературном образовании заключается в разработке комплексной учебной программы, учитывающей типы интеллекта студентов. Структура занятия должна включать анализ и разбор произведения, а также создание медиапродукта (творческое задание). Предложенная методика может быть рекомендована для использования в системе среднего профессионального и высшего педагогического образования.

Список источников

1. Белогрудова, В. П. Теория множественного интеллекта Г. Гарднера и ее принципиальное значение для современного образования / В. П. Белогрудова, А. В. Семерикова. // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2008. – № 8. – С. 85–98.
2. Каргаполова, Е. В. Читательские предпочтения современного российского студенчества: жанровое разнообразие / Е. В. Каргаполова, О. О. Мищенко, М. А. Требова // ЦИТИСЭ. – 2023. – № 3. – С. 175–186.
3. Мельникова, Н. Е. Чтение в студенческой среде: темпы, объемы, предпочтения / Н. Е. Мельникова, А. А. Александровна // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 44–47.

Лазарева Анастасия Юрьевна, Логашева Мария Андреевна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Глазинская Евгения Тимофеевна,
старший преподаватель

ЛОКУС ДОМА В ТВОРЧЕСТВЕ ХАСКИ (ДМИТРИЯ КУЗНЕЦОВА)

Аннотация. В статье рассматривается специфика локуса дома в творчестве отечественного рэп-исполнителя Хаски (Дмитрия Кузнецова). В качестве основного материала для анализа взят один из ранних текстов рэпера «Панелька», а также привлечены другие его произведения. В статье исследуются особенности восприятия панельного дома как объекта, сформировавшего несколько поколений, и определяются сопутствующие «панельке» образы и культурные феномены («панелька» представлена символом русских девяностых).

Ключевые слова: художественное пространство, локус дома, типовой дом, маргинальность, постсоветское пространство.

Lazareva A. Y., Logasheva M. A.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. This article examines the specific locus of the home in the work of Russian rap artist Husky (Dmitry Kuznetsov). The primary material for the analysis is one of the rapper's early lyrics, «Panelka», and other works by him are also included. The article explores the perception of the panel house as an object that has shaped several generations and identifies the images and cultural phenomena associated with the panel house (the prefabricated house is presented as a symbol of the Russian 1990s).
Keywords: literary space, locus of home, typical house, marginality, post-Soviet space.

THE LOCUS OF HOME IN THE WORKS OF HUSKY (DMITRY KUZNETSOV)

Творчество рэп-исполнителя Хаски (Дмитрия Кузнецова) неоднократно становилось объектом исследования в литературоведении. Анализу подвергались религиозные мотивы и тема Бога в художественном восприятии автора, языковые особенности его текстов и интертекстуальные отсылки к творчеству В. Маяковского, В. Хлебникова, А. Блока, Е. Летова и др. Рассматриваемый текст «Панелька» из альбома Хаски «Любимые песни (воображаемых) людей» также становился объектом исследования литературоведов. Локус дома в «Панельке» и др. текстах рассматривается нами как сквозной образ, формирующий особую концепцию лирики рэпера и его мировосприятия: цитируя Хаски, это – «русская поэзия в подъезде у кента» («Бит шатает голову»).

Локус дома – один из важнейших в русской литературе. Если в произведениях XIX в. дворянский дом воспет Л. Н. Толстым, А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, то позднее начинает развиваться мотив утраты дома («Вишневый сад» А. П. Чехова, «Дачники» Максима Горького). Дом понимается не только как «крыша над головой», не оценивается только в рамках комфорта, но трактуется как космос, в котором живет и формируется личность. Так, для русского человека утрачивается не место жительства, а ощущение пребывания дома. Согласно Юхани Палласмаа, теоретику искусств, архитектура, основывающаяся исключительно на строительных задачах, утрачивает мифопоэтическое начало. Человек в подобном пошлом пространстве становится отчужденным от мира, теряет свое место в нем.

В тексте Хаски представлен не дом, а именно квартира. Согласно статье К. А. Жульковой о хронотопе дома в литературе XX века, в русской словесности уже начиная с 1920-х годов образ дома переосмысляется, на первый план выходит образ *квартиры* [3, с. 198]. Ввиду появления в СССР типовых домов – «хрущёвок», «брежневок», – восприятие дома для человека меняется. Пространство деформируется, от центра семейного очага, источника уюта и исключительно личного пространства становясь коллективным, равнодушным и обезличенным. В типовом доме всё личное непроизвольно предоставляется обществу жильцов, повседневность каждого из которых имеет однообразный характер, складывается «по трафарету», как и происходит в тексте у Хаски.

В тексте Хаски представлен локус панельки. Изначально при Н. С. Хрущёве панельные дома имели своей целью временное проживание людей для ускорения процесса урбанизации. Строительство типовых домов было недорогим и быстрым процессом, поэтому такие здания удалось разместить по всей России. Несмотря на то, что планы застройки городов давно изменились, «панелька» до сих пор остаётся самым распространённым типом жилья среди россиян, а потому рефлексируется в культуре.

Таким образом, «панелька» – феномен, который создан русской (советской) цивилизацией. Созданная быть временным убежищем в ожидании лучшего будущего, она становится бесконечной во времени и пространстве. В тексте Хаски этот локус влияет на человека даже до его рождения, «начинается, как шум в животе» и остается только «прятаться в мутной воде» утробы матери, чтобы потом начать полноценное «врастание» в панельный мир.

Сочетание «врастать в панельку» можно определить как перевёрнутую метафору: Панелька может «врасти» в человека, наделив его определёнными ценностями и воспоминаниями, выстроив «трафарет» определенного, «панельного» образа жизни.

Панелька представлена в тексте хтоническим существом: «набито панельное брюхо», заполоняющее все пространство, закрывающее собой пространственную вертикаль – небо также подчиняется панельке: «панельного неба краюха» становится лишь периферией панельки, солнце представлено только отражением, его образ снижается автором: «солнце тает в окне, как харчок золота».

У Хаски панелька не просто является атрибутом жизни русского человека, – она представляется основной её составляющей, подчинившей себе все её сценарии, определившей мировоззрение и, как в конце текста выясняется, будущее «панельного» человека («Привет, панельный сын панельного отца»). Отсюда сравнение бытовых драм с трафаретом – техникой размножения простых рисунков и орнаментов.

Для событий, либо непосредственно происходящих с лирическим героем, либо, так или иначе, относящихся к нему, Хаски использует многочисленные инфинитивы: «прятаться», «вынырнуть», «врастать», «жрать», «давиться», «засовывать», «убегать» и т.д. Однако в тексте «Панельки» есть два глагола в форме 1 л., ед. ч, задействованных в рефрене «Еду по России, не доеду до конца». С помощью безличных предложений Хаски дает обобщенную историю жизни миллионов человек, типичную настолько, насколько типичны для русского городского пейзажа панельные дома. Расти без отца, видеть слезы матери, курить, «квасить» на картонке «полтораху» пива и возвращаться домой ради «похмельного сна» – такую судьбу предрекает панелька для своих жителей.

На фоне сливающихся в общую массу судеб выделяется личный путь лирического героя. Отметим, что в тексте развивается лирический сюжет – с рождения лирического героя, где «папа папой был понарошку», «прятки с отцом: горячо-холодно», описывают иллюзорность семьи в панельном мире, до «фотографии семьи, которой нет» и уже его собственных «пряток с сыном, будто чужая жизнь». И теперь уже он – человек, убегающий от панельки, «ужалившись», оставляя там своего сына.

Оставаясь частью «панельного мира», лирический герой пытается найти из него выход; отправляется на поиски его конца, но найти не может. Так, укоренившийся в культуре образ бескрайней России переосмысляется в современности как безграничное пространство одинаковых панельных домов. Оттого герой в конце припева задаётся риторическим вопросом «Где панелька моего отца?». В этом контексте раскрываются и «бесконечные трущобы в бесконечное окно» из текста «Бит шатает голову».

Итак, образ «панельки» распадается на две составляющие: физическое пространство и сопряженная с ним судьба. Авторская позиция показывает трагическую неизбежность повторения панельных судеб. Мир, на первый взгляд предстающий маргинальным, становится типичным на постсоветском пространстве.

Список источников

1. Голубков, М. М. Образы русского дома и мотив бездомности в литературе XX–XXI вв. / М. М. Голубков // Мир русскоговорящих стран. – 2021. – № 3 (9). – С. 48–57.

2. Жданова, Е. С. Русскоязычная рэп-поэзия как отражение духовных поисков (на примере текстов Д. Кузнецова) / Е. С. Жданова, Ю. Е. Кобина, Г. О. Илагаева // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2(81). – С. 548–550.

3. Жулькова, К. А. Образ дома в русской литературе первой половины XX в. / К. А. Жулькова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2019. – № 1. – С. 194–201.

4. Корчинский, А. В. Бог Хаски / А. В. Корчинский // Русская рок-поэзия : текст и контекст. – 2020. – № 20. – С. 116–123.

5. Устюгова, Е. Н. Антропологический поворот в современной урбанистике /

Е.Н. Устюгова // Terra Aestheticae. – 2018. – № 1. – С. 199–215.
6. Хаски : [сайт]. – URL: https://genius.com/artists/Husky (дата обращения: 17.04.2026).

Петрова Елизавета Владимировна
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Россия
Научный руководитель: Скубач Ольга Александровна,
кандидат филологических наук, доцент

МОТИВ ВЕТРА В РОМАНЕ НАБОКОВА «ОТЧАЯНИЕ»: ТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТ

Аннотация. Статья посвящена проблеме систематизации мотивов в творчестве В. В. Набокова на материале романа «Отчаяние». На примере мотива ветра демонстрируется его сюжетообразующая роль: изменение силы ветра маркирует этапы развития творческого замысла главного героя, его приближение или отдаление от «мерзкой мечты» об убийстве. Интертекстуальный потенциал мотива раскрывается через полемическую отсылку к стихотворению М. Горького «Песня о Буревестнике» и советской литературе в целом, которую Набоков не принимал. Показано, что увлечённость героя коммунистическими идеями коррелирует с его художественной несостоятельностью как графомана, не способного к подлинному творчеству.
Ключевые слова: мотив, Набоков, Горький, мотивная структура, интертекстуальность

Petrova E. V.
Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article addresses the problem of systematizing motifs in the works of Vladimir Nabokov based on the novel *Despair*. Using the motif of wind as an example, the article demonstrates its plot-forming role: changes in wind intensity mark the stages of the protagonist's creative design, his approach to or retreat from the "vile dream" of murder. The intertextual potential of the motif is revealed through a polemical reference to Maxim Gorky's poem *The Song of the Stormy Petrel* and to Soviet literature as a whole, which Nabokov rejected. It is shown that the protagonist's enthusiasm for communist ideas correlates with his artistic inadequacy as a graphomaniac incapable of genuine creativity.
Keywords: motif, Nabokov, Gorky, motif structure, intertextuality

THE MOTIVE OF WIND IN NABOKOV'S NOVEL *DESPAIR*: TEXTANDINTERTEXT

Целью нашего исследования является создание словаря мотивов по творчеству В. В. Набокова. В качестве объекта нашего исследования выступает роман В. Набокова «Отчаяние», предметом исследования являются мотивы, которые автор использует в романе.

Владимир Набоков является одним из ключевых авторов XX века, чье творчество оказывает значительное влияние на мировую литературу. Его произведения, богатые символикой и многослойными смыслами, требуют глубокого анализа и интерпретации. Создание словаря мотивов поможет читателям и исследователям лучше понять и оценить глубину его произведений.

Во время исследования мы опирались на теоретическое положение о том, что мотив – это смысловой компонент текста, который обладает таким свойством как повторяемость, а также имеет за собой закрепленную функцию. Под мотивной структурой мы, вслед за А. Н. Веселовским, понимаем: концептуально значимую конструктивную связь повторяемых